

David L. D'Avray. Medieval Religious Rationalities.
New York: Cambridge University Press, 2010.

ISBN 978-05-2118-6827

Вопрос о границах применимости современных теорий и концептов при исследовании средневековых реалий в последние десятилетия является ключевым для западноевропейских историков и историков истории. Дэвид Д'Аврей, профессор истории в Университетском колледже Лондона, показывает, как теории немецкого социолога М.Вебера (1864-1920) могут быть применены при построении новых проблематик в рамках эмпирического исследования по эпохе Средневековья. В труде, озаглавленном «Рациональности в истории» (*Rationalities in History*), автор подробно рассматривает выделенные

М.Вебером «типы» рациональности и показывает, как веберовские «идеальные типы» могут помочь более четко описать явления давно прошедших эпох, в частности в компаративных исследованиях по истории религии и по философии средневекового права. При этом наибольший интерес для автора представляет выявление областей взаимодействия различных рациональностей, особенно ценностной (*Wertrational*) и целевой (*Zweckrational*), ценностной и формальной, формальной и субстантивной. Именно «областям» таких взаимодействий посвящены главы монографии. В труде «Средневековые религиозные рациональности» (*Medieval Religious Rationalities*), имеющем такую же структуру, как и «Рациональности в истории», на примере конкретных *case studies* различных явлений, которые могут быть обозначены как «религиозные», Д. Д'Аврей дает свой ответ, насколько средневековая религия Западной Европы была «рациональной» в веберовском смысле этого слова. Стоит, однако, отметить, что автор уделяет внимание в основном периоду конца высокого Средневековья и периоду позднего Средневековья, материалы раннего Средневековья практически не затронуты в его работе.

В первой главе, «теоретической», автор пишет о возможности рассмотрения средневековых верований сквозь призму выделенных М.Вебером «идеальных типов» рациональностей и объясняет свою точку зрения на религию средневекового Запада: несмотря на кажущееся разнообразие, множество средневековых верований и типов спиритуализма (например, вера в чудеса, доктрины о Троице и т.д.) составляют одно взаимосвязанное целое, и этим целым является религия.

Вторая глава монографии посвящена средневековым ценностям (как структурам). При этом ценности являются для автора не только абстрактными принципами: основная идея Д. Д'Аврея состоит в том, что ценности включены в конкретные образы и практики (например, ритуалы) и поддерживаются ими. Наибольшее внимание в данной главе автор уделяет рассмотрению идеи о чудесах в контексте средневековых представлений (особенно Фомы Аквинского), исследованию веры в религиозный суверенитет папы (автор показывает, что к середине XV века эта вера была в некотором смысле «сознательным» решением), истории идей об институте брака, идеям, существовавшим относительно человеческой природы Иисуса Христа, истории вопроса о Троице и т.д. Д. Д'Аврей пишет о том, что в Средние века существовал некий общий взгляд на мир, разделявшийся всем средневековым Западом, поэтому все рассмотренные им идеи были взаимосвязаны между собой: например, подлинность чудес устанавливалась процессом

канонизации, проводимой папами (эти чудеса напоминали о чудесах Иисуса Христа). Сцена первого чуда Иисуса, произошедшего на свадьбе в Кане Галилейской, была отправной точкой для проповедования брака как религиозного «означающего». В ритуале вступления в брак значимую роль играла тринитарная формула и т.д. Взаимосвязанность всех этих идей способствовала усилению всей системы.

Третья глава также посвящена средневековым ценностям, но уже с точки зрения изменений, происходивших в Средневековье. Основная проблематика этой главы: потеря и обретение верований, изменение убеждений. Начинается глава с рассмотрения сил, нужных для воспроизведения и усиления уже существующих структур. Такой силой, в частности, была схоластика: автор показывает, что она являлась не только интеллектуальным методом, но и социальной структурой, которая позволяла инновациям сосуществовать с господствовавшими установками. Д. Д'Аврей отмечает, что для усиления какого-либо убеждения могли одновременно рождаться несколько независимых идей: так, поддержанию и усилению веры в чудеса способствовали как идеи Фомы Аквинского, так и идеи, исходившие из папской курии (несмотря на то, что решения ими проблемы чудес были различными). Затем в рамках данной главы автор переходит к изучению вопроса о «харизматичных лидерах», и в первую очередь отдельное исследование посвящается святому Франциску Ассизскому. По мнению автора, этот святой был человеком своего времени, который смог усилить идеи, уже широко распространенные, в частности, идею апостольской бедности. В рамках данной главы автором также поднимается вопрос о кризисах ценностей, вызванных внешними обстоятельствами, рассматриваемый на примере истории христианизации населения. Д. Д'Аврей делает интересное замечание: люди легче обращаются к системам, которые существенным образом пересекаются с их собственными убеждениями. Например, англо-саксонское язычество имело в основе некоторые верования, которые проложили дорогу христианству (языческие жертвы сделали более легким объяснение идеи евхаристической жертвы и т.д.). Заканчивается глава рассмотрением истории «деструкции социальной системы»: говоря о том, что системы убеждений могут исчезнуть, когда их институциональная инфраструктура разрушена, автор приводит как пример историю катаров, чье движение не могло более существовать, когда все их *perfecti* были сожжены.

В следующей главе автор рассматривает взаимодействие ценностей и специальных «техник», которые употреблялись в Средние века для поддержания этих ценностей. Эта глава имеет три основных сюжета. Первый – выявление механизмов репродукции веры, распространения и усиления убеждений. К таким механизмам относятся образование, аргументация, ритуал, проповедь и т.д. Ставится проблема воспроизведения ценностей посредством этих инструментальных техник. Автор полагает, что без инструментальных техник даже крепкие убеждения не смогут завоевать приверженцев, эти техники нужны, чтобы поддерживать конкретный характер убеждений и транслировать их из поколения в поколение. В качестве *case study* в первом разделе главы было выбрано распространение веры в идею Троицы. Вторая часть главы посвящена «средневековой духовности», в ее рамках рассматривается сначала проблема ритуалов и ее решение Фомой Аквинским и папой Григорием Великим, а затем автор обращается к истории средневекового монашества и духовных орденов. В третьей части главы автор пытается показать, что если ценностные рациональности изменяются от общества к обществу, то *instrumental rationality* – это универсальная способность, которую можно встретить во всех человеческих обществах. Эта рациональность представляется как некая суперструктура, построенная на фундаменте различных убеждений /ценностных рациональностей. В этой части главы рассматривается схожесть идей Аристотеля с идеями, выработанными в средневековых религиозных орденах, и идеями, положенными в основу канонического права.

В пятой главе рассматривается «формальная рациональность» и средневековое религиозное право. Формальная рациональность – это принятие решений в рамках круга правил, сконструированных, чтобы управлять аспектом жизни, абстрагированным или демаркированным от других аспектов таким образом, чтобы последние не могли влиять на процесс принятия решений. Главные темы, разбираемые в этой главе, следующие: формальная рациональность и картезианцы, формальная рациональность в каноническом праве, римское право и папское управление христианскими территориями. Автор монографии выявляет очень интересную специфику позднего средневекового папского права. Если М.Вебер видел формальную рациональность и бюрократию как явления, комплементарные друг другу, то Д. Д’Аврей рассматривает историю позднесредневекового папского права как историю формальной рациональности без соответствующей бюрократии. Не развитой бюрократический аппарат, но харизма папства и «практический дуализм», который позволил церковному и светскому праву работать рядом друг с другом, составляли часть целого папской монархической системы.

Последняя глава монографии посвящена взаимодействию формальной и субстантивной рациональностей на примере истории средневековой системы разрешений на брак. Так, автор показывает, что вопрос о том, в каком случае позволительно дать произволение на брак, было делом калькуляции при папском дворе. Но возможность дарования папами такого произволения никогда не рассматривалась как безграничная: были выработаны специальные формулы, чтобы регулировать выдачу разрешений на брак. Папская власть была лимитирована контурами ценностной рациональности.

Таким образом, Д. Д’Аврей показывает, как рассматриваемые М.Вебером «идеальные типы» помогают при анализе средневековых реалий. Для историков-эмпириков они не ограничивают исследование, но открывают новые возможности.

Е.А.Шелина, соискатель аспирантуры Кафедры истории Церкви